

Евгений Войскунский
Исай Лукодьянов

ЭКИПАЖ «МЕКОНГА»
♦
УР, СЫН ШАМА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 65

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации

Владимира Высоцкого, Анатолия Иткина

- © Е. Л. Войскунский (наследник),
1961, 1975
- © В. П. Высоцкий (наследник),
иллюстрации, 1961
- © А. З. Иткин, иллюстрации, 1975
- © Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25080-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридакна — это слово мне запомнилось с детства. В десяти- или одиннадцатилетнем возрасте я впервые прочел «Двадцать тысяч лье под водой» (этот роман Жюль Верна тогда, в другом переводе, назывался «Восемьдесят тысяч верст под водой»). Такая книга! Ни есть, ни пить, ни делать заданные в школе уроки — невозможно оторваться. Где-то у побережья Цейлона капитан Немо и профессор Аронакс выходят из «Наутилуса» на прогулку. Идут в скафандрах по океанскому дну, по отмели, на которой полно раковин жемчужниц. Это двустворчатые моллюски, многие из них выращивают в себе драгоценные жемчужины. Немо ведет Аронакса в грот, подводную пещеру, и показывает ее обитателя — огромного моллюска диаметром в два метра. Это тридакна. Капитан Немо кинжалом раздвигает створки, и Аронакс видит в ее чреве жемчужину величиной с кокосовый орех. (Немо, так сказать, «выращивал» ее для своей коллекции.) Какое женское ухо, иронизирует Жюль Верн, выдержало бы тяжесть такой жемчужины?

А спустя полвека, в 1984 году, я, оказавшись в командировке на Сахалине, посетил краеведческий музей в Южно-Сахалинске. Он расположен в бывшем императорском дворце. Не знаю, приезжали ли японский император пожить в этом дворце, но музей получился тут интересный. Фото и костюмы айнов и нивхов. Фото русских каторжников, пряжа из крапивы, которую они плели. Но вот в зале флоры и фауны я увидел среди чучел медведей и косуль огромного моллюска, выловленного где-то в южных морях. Это была тридакна диаметром метра в полтора. Живо вспомнилась тридакна капитана Немо... Интересно, «вырастила» ли эта жемчужину, сравнимую с той?

Почему вдруг всплыла в памяти тридакна? Не знаю. Память — субстанция неуправляемая, она часто выносит на поверхность сознания неожиданные образы.

Я просто хотел вспомнить о Жюле Верне — о мощном влиянии, которое с детских времен оказали на меня его романы. Вместе с милым чудаковатым Жаком Паганелем и детьми капитана Гранта я искал его, капитана, следы в Патагонии, в Австралии. Летел к Луне в ядре, выстреленном из гигантской пушки, вместе с Мишелем Арданом. Вместе с капитаном Сервадаком, профессором Пальмиреном Розетом и лейтенантом Прокофьевым устремлялся в космические дали на обломке Земли, оторванном кометой Галлией. Я пытался схватить за руку негодяя матроса Негоро, сунувшего топор под компас и таким подлым способом изменившего курс корабля, чтобы завлечь благородных путешественников в Африку, в страшную Анголу.

Тяготение к фантастике, к приключениям, порожденное романами Жюль Верна, сохранилось у меня на всю жизнь.

Так же — и у моего двоюродного брата Исаея Лукодянова. При своей занятости на работе, он находил время для перечитывания Жюль Верна. «Это меня освежает», — говорил он. Мы оба были убеждены, что воспитывать детей (особенно мальчиков) нужно на книгах Жюль Верна. У нас была как бы жюль-верновская выучка.

Исай Борисович Лукодянов был на 9 лет старше меня. В детстве мы с ним не очень-то и общались: разница в возрасте. Но после войны отношения переменялись. Я отвоевал на Балтике и отслужил на флоте 16 лет. Лукодянов воевал в авиации, в инженерной службе истребительного авиаполка. Он и был по призванию инженером, после войны вернулся к любимой конструкторской работе в проектно-институте. Я же, по образованию гуманитарий, по возвращении в родной Баку занялся литературной работой, у меня уже вышла книжка морских рассказов, и поспевала другая.

Мы с моим братом потянулись друг к другу. Было интересно разговаривать с ним, колоссально начитанным, обо всем на свете. Он в то время занимался разработкой легкосплавных труб для бурения нефтяных скважин. Увлеченно говорил о своей идее — пластмассовые трубопроводы вместо металлических, — и однажды в нашем разговоре вспыхнула странная картина: струя нефти идет через море вовсе без труб, в «кожуре» поверхностного натяжения, усиленного каким-то неведомым фантастическим способом.

Этот «беструбный трубопровод» так бы и остался случайно мелькнувшей картинкой, если бы не одно происшествие.

Я уже не раз писал об этом. Осенним вечером 1957 года мы с моим 10-летним сыном и Исаем Лукодяновым вышли из цирка — старого бакинского цирка на улице Гаджибекова. Неторопливо шли, обмениваясь впечатлениями. Вдруг на перекрестке, на улице Лейтенанта Шмидта, пронзительно взвизгнули тормоза. Мы увидели: из-под колес грузовика вынырнул пешеход, спасшийся в последний миг. А было мгновенное впечатление, будто он прошел невидимым сквозь машину.

Как ни странно, но именно это уличное происшествие стало толчком к рождению сюжета романа «Экипаж „Меконга“».

Проницаемость материи! На нее натываются молодые инженеры из НИИ транснефти. На что именно натываются? Тут и возник фантастический нож из проницаемого вещества. А нож-то откуда? Да вот, была загадочная страна, в которую издавна стремились европейцы, в том числе и россияне: при Петре состоялась экспедиция в Хиву, но с дальним расчетом разведать дорогу в Индию — трагически окончившийся поход князя Бековича-Черкасского...

Сюжет складывался, обрстал ответвлениями, угасал, снова пускался вскачь. Мы стали записывать сюжетные ходы. Хотелось в задуманную книгу пестрый бакинский быт. И начались удивительные приключения героев романа — молодых веселых инженеров и их руководителя, похожего на Лукодянова. Вошли в роман внезапный исторический экскурс в XVIII век — несчастливый поход Бековича-Черкасского, мрачная мистерия в индийском храме богини Кали, волшебный нож и некто Бестелесный. Не обошлось без плавания на яхте по любимому нами Каспию, без робинзоны, извержения грязевого вулкана...

На обговаривание и написание романа ушло два года и три месяца. Но вот легла на стол толстая книга машинописи: «Экипаж „Меконга“. Книга о новейших фантастических открытиях и старинных происшествиях, о тайнах вещества и о многих приключениях на суше и на море».

И отправили мы рукопись в московское издательство «Детская литература» — Детгиз. И стали терпеливо ждать. По правде, ожидание не было исполнено оптимизма. Мой литературный опыт был тогда небольшим, но я знал, что в издательствах не любят «самотек» и избавляются от него, возвращая автору рукопись с отрицательной рецензией, исполненной ледяной вежливости.

Но нам очень повезло. Из Детгиза пришло письмо от 24 августа 1960 года, вот его начало:

«Уважаемые товарищи! Мы с интересом и удовольствием ознакомились с „Экипажем «Меконга»“. На наш взгляд, книга получается. Рукопись читается отлично, и вас можно поздравить с литературной удачей...»

Далее шло о том, что нужно кое-что в рукописи доработать, но в тематический план Детгиза она включена. «В ближайшие дни получите договор».

Под письмом стояла подпись: ст. редактор А. Стругацкий.

Эта фамилия была знакома. Мы читали рассказы братьев Стругацких, начинающих фантастов, в журналах «Техника — молодежи» («Извне») и «Знание — сила» («Шесть спичек»), но не знали, что Аркадий Натанович работал в Детгизе.

Да, здорово повезло! Когда я, приехав в Москву, заявился в Детгиз, Аркадий с улыбкой поднялся из-за стола в свой немалый рост и сказал: «Бойтесь женщин, падающих с теплоходов». Это фраза из «Меконга». Мы пожали друг другу руки — и, могу с уверенностью сказать, с этого момента началась наша многолетняя дружба.

Аркадий рассказал, что две папки с нашей рукописью долго лежали в шкафу. Вероятно, они у заведующей редакцией М. М. Калакуцкой ничего, кроме отвращения, не вызывали. Она позвала Аркадия и сказала: «Посмотрите эту рукопись, полистайте и напишите авторам ответ». Можно было не спрашивать, какой ответ она имела в виду. Аркадий унес папки домой и вечером стал «смотреть и листать».

— Вскоре, — рассказал он мне, — я перестал листать, а вчитался. И знаешь ли, увлекся. Почти всю ночь читал. А на следующий день говорю Калакуцкой, что эту книгу надо издать. Мадам удивилась: «Да вы что? Никому не известные авторы». Я повторил, что роман интересный, что надо издать. Ну, она велела дать на рецензию серьезному рецензенту. И я позвонил Юре Рюрикову.

Два серьезных рецензента — Юрий Рюриков и Евгений Рысс — оценили рукопись вполне положительно («...вопроса издавать роман или не издавать — не существует, — писал Е. Рысс. — Ясно, что издавать. Ясно, что роман — радостная находка в жанре научной фантастики, в котором за последние годы находки очень редки»).

Мы с Лукодяновым, приняв некоторые пожелания рецензентов, роман доработали, и он пошел в неспешное производство. В 1962 году он вышел в свет. Когда Стругацкий известил нас об

этом телеграммой, Лукодянов вскинул руки к седой голове и воскликнул: «Сбылась мечта идиота!»

Шутки шутками — но мне было о чем задуматься. Дело в том, что, при всей своей любви к фантастике, я вступил под ее зеленые кущи довольно случайно. Судьбы людей моего поколения, подросшего к войне, воевавшего и выбитого войной, привлекали меня больше, чем проницаемость материи и другие фантастические сюжеты. Верно ли я поступаю, уйдя из mainstream в science fiction?

Однако шли шестидесятые годы, время шумное, противоречивое, словно бы очнувшееся после долгого оледенения сталинской эпохи. Одной из характерных черт шестидесятых был удивительный всплеск интереса к фантастике. Мы ощутили это: «Экипаж „Меконга“» имел успех, двери издательств, издающих фантастику, были, так сказать, открыты, от нас ждали новых вещей популярного жанра. И мы, так уж получилось, поплыли по течению.

У нас был в работе новый роман «Очень далекий Тартесс». Вы читали, что в древности существовал в Средиземноморье богатый город, он вел торговлю медью и оловом по всей ойкумене, с греческими городами, а в VI веке до н. э. бесследно исчез. Что-то там произошло. И вот мы с Лукодяновым отправились в бронзовый век, прочитали все, что можно было прочесть о полумифическом городе, и особо выделили мнение некоторых историков, что Тартесс имел какое-то отношение к Атлантиде. Ну а дальше — работа воображения...

Наверное, это были лучшие годы моей жизни. Еще не наступило время тяжких потерь. В московских издательствах, да и в бакинских, выходили наши книги. Мы с женой переехали в Москву, наш сын заканчивал учебу в МГУ. Ну и, конечно, общение со столичными писателями — наши разговоры, споры о времени и литературе, о жанре фантастики — все это было очень мне по душе.

Но времена менялись, уж таково их свойство, хорошо знакомое писателям Советского Союза. Стало все более подмораживать. Чиновники, ведавшие идеологией, с подозрительным прищуром вглядывались в фантастику: не слишком ли много себе позволяет? Что за антиутопии напридумывали вместо сияния коммунистического будущего? На книги и рукописи неугодных авторов обрушились рецензии, смахивающие на политический донос. Пошли доносы, ограничения...

Не хочется вспоминать эту черную полосу фантастики.

Я просто ушел из нее.

Нет, очень это непросто — уйти из жанра, в котором работал почти четверть века. Но так сложилась жизнь. И я как бы вернулся в свою молодость. Военная Балтика позвала меня, ветерана войны, на полуостров Ханко, где мы в сорок первом держали оборону, в «суп с клецками», как мы называли густо заминированный Финский залив, в блокадные дни и ночи Кронштадта. Уже давно созрела в душе книга о войне на Балтике, о голоде и любви — своего рода групповой портрет поколения. В апреле 1981 года я закончил роман «Кронштадт». Он проходил нелегко, но вот в 83-м в журнале «Знамя» был опубликован его сокращенный вариант, а в 84-м роман вышел в полном объеме в издательстве «Советский писатель».

В последующие годы были изданы еще несколько моих романов и повестей о трудных судьбах поколения, в том числе книга воспоминаний «Полвека любви».

Но к фантастике отношение особое. Говорят, что она почти исчезла, вытесняемая фэнтези. Не знаю, я уже по старости лет (перешагнул за 90) не имею возможности следить за процессом. Плывут перед мысленным взором картины воспоминаний. Вижу лица моих друзей, авторов знаменитой фантастики 60-х годов. Мы все как бы вышли из «Тантры» — ефремовского звездолета из «Туманности Андромеды». Уже все ушли, я остался один. Но разве наши книги исчезли? Хотя и редко, но идут переиздания. Иные перекочевали в Интернет. Время трудное, статистика отмечает, что мы, в прошлом одна из первых читающих наций, читаем все меньше и меньше. Это опасно, это признак деградации.

Так и хочется взять рупор и крикнуть: читайте, сограждане! В том числе и фантастику. Она, фантастика, исчезнуть не может. Уж во всяком случае, останется, пребудет как сильный литературный прием остранения действительности.

И может, где-то затаилась жюль-верновская тридакна, выращивающая драгоценную жемчужину размером в кокосовый орех.

*Евгений Войскунский
Август 2016 г.*

ЭКИПАЖ «МЕКОНГА»

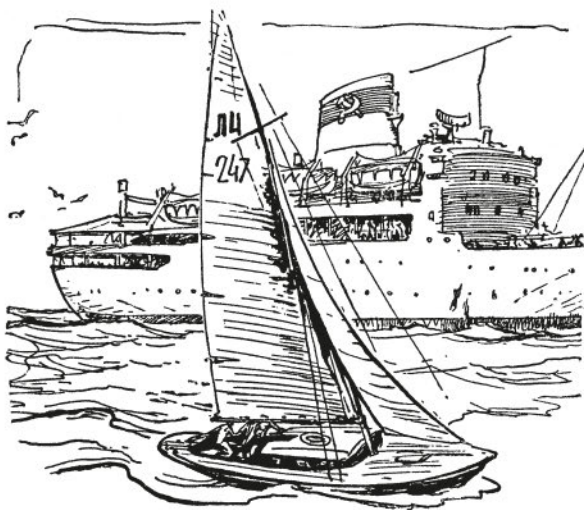
*Книга о новейших фантастических открытиях
и старинных происшествиях, о тайнах вещества
и о многих приключениях на суше и на море*

Я умру, если не увижу Каспийское море.

А. Гумбольдт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«РТУТНОЕ СЕРДЦЕ»

Чтобы воздействовать на неведомое вещество, которое вы хотите подчинить неведомой силе, мы должны сначала изучить это вещество.

О. Бальзак. Шагреневая кожа

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
повествующая о странном событии на борту
теплохода «Узбекистан»

— Знаете, не надо кораблекрушений. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет занимательнее. Правильно?

И. Ильф, Е. Петров. Как создавался Робинзон

Приятно начать приключенческий роман с кораблекрушения. Допустим, так:

«Раздался страшный скрежет, и трехмачтовый барк „Аретуза“, шедший с грузом копры с Новых Гебрид, резко накренился. Бушующие волны перекатывались через...» — и так далее.

Преодолев столь естественное искушение, авторы решили иным образом начать свое правдивое повествование. Однако, желая во всем следовать хорошему тону, они торжественно обещают устроить в ходе дальнейших событий небольшое кораблекрушение.

А теперь — к делу.

Итак, в один прекрасный летний день теплоход «Узбекистан» шел по Каспийскому морю, приближаясь к крупному приморскому городу. Время было послеобеденное, прогулочная палуба пустовала. Лишь двое сидели в шезлонгах, защищенных тентом от палящего солнца: мужчина в клетчатом костюме зеленоватого цвета и пожилая дама в пенсне, углубившаяся в томик «Военных приключений».

Не будем тревожить пожилую даму. Давайте поближе познакомимся с Николаем Илларионовичем Опрятиным, которому предстоит сыграть немаловажную роль в нашем повествовании.

Это подтянутый сухощавый человек лет под сорок. У него энергичное лицо с высоким лбом, переходящим в тщательно замаскированную лысину, с тонкими губами и костистым подбородком. Гладко выбритые щеки и запах тройного одеколona создают впечатление, будто он только что вышел из парикмахерской.

Николай Илларионович не имел пагубной привычки спать после обеда. Развалясь в шезлонге, он смотрел на широкую пенную дорожку за кормой теплохода. Справа тянулся берег — желтоватосерая полоска над синей водой, — и уже был виден длинный холмистый остров, прикрывавший вход в бухту.

Опрятин подумал о том, что каких-нибудь двадцать лет назад этот остров был куда меньше. А впереди, почти по курсу теплохода, — Опрятин знал это — из воды торчат каменные стены древнего караван-сарая; лет двадцать назад они были скрыты под водой. Когда-то здесь стоял большой торговый город. Море, медленно поднимаясь, заставило людей покинуть его и отступить к новым берегам.

На протяжении многих веков море наступало и отступало, его уровень часто менялся, причем амплитуда колебаний уровня доходила до восьмидесяти метров. А в последнее время древнее Хозарское море сильно обмелело. Потому и вылезли из воды стены караван-сарая, а остров, лежащий при входе в бухту, разросся в длину и ширину.

Вода уходила. И люди не захотели мириться с этим. Так возникла труднейшая проблема повышения уровня Каспия. Предлагали прежде всего отрезать от моря залив Кара-Богаз-Гол, где жаркое солнце пустыни ежегодно испаряет четырнадцать кубических километров воды. Родился смелый проект поворота северных рек в Каспийское море — проект «КВП»: воды Камы, Вычегды и Печоры должны были по этому проекту перевалить старые водоразделы и, устремившись на юг, через Волгу напоить Каспийское море.

Но если отрезать Кара-Богаз-Гол, повернуть северные реки и добавить к их водам воды Амударьи, то даже и тогда уровень моря поднимется до нужной высоты — на три метра — только к будущему веку.

Так долго ждать нельзя. Ведь, в сущности, требуется в течение одного года добавить в Каспий всего одну тысячу кубических километров воды.

Легко сказать: всего! Чтобы перекачать, например, из Черного моря в Каспийское такое количество воды за год, понадобилось бы несколько тысяч самых мощных насосов, а чтобы снабдить их энергией — электростанция мощностью в десятки миллионов киловатт.

Кандидат технических наук Опрятин хорошо знал эти цифры, потому что работал в Институте физики моря. Как раз сейчас в институте разрабатывали новый проект повышения уровня Каспия,

с учетом последних достижений отечественной науки. Предстояла большая, интересная работа, и Опрятину был поручен один из самых ответственных ее участков.

Итак, теплоход «Узбекистан» шел по Каспийскому морю, которое хотя и обмелело, но не до такой степени, чтобы по нему не могли плавать теплоходы. Медленно приближался город, вставший над синей бухтой, — уже можно было без бинокля различить заводские трубы и тонкий чертежник телевизионной антенны.

Прогулочная палуба понемногу наполнилась пассажирами. Здесь было много отпускников, возвращавшихся из поездки по Волге. Они наперебой вспоминали шлюзы и каналы, храм Димитрия на Крови, домик Кашириных и дружно сходились на том, что камышинский закат солнца куда красивее, чем восход того же светила над Казанью.

Несколько знатоков морского дела, облокотившись на поручни, наблюдали за белой яхтой, которую догонял теплоход. Они обсуждали ее достоинства и спорили, к какому классу она относится: к «драконам» или «звездникам». Впрочем, некий обладатель бинокля установил, что это «сорокапятка»¹.

Парни и девушки в голубых майках с белыми номерами на спине непрерывно фотографировали друг друга.

Был здесь и мужчина атлетического сложения, в полосатой рубашке навывпуск. Он чинно прогуливался под руку со своей дородной супругой и время от времени давал молодым фотографам советы относительно выдержки и диафрагмы.

— Как жаль, что отпуск кончился, правда, Толя? — произнес высокий женский голос за спиной у Опрятину.

— Хорошо, что кончился, — ответил голос, показавшийся Опрятину знакомым. — Сколько времени потеряно!

Николай Илларионович оглянулся и увидел молодую изящную блондинку в красном сарафане. Рядом с ней неторопливо шел мужчина средних лет в измятом чесучовом костюме. У него было крупное полное лицо с припухшими веками и буйная грива каштановых волос.

Они остановились у борта, неподалеку от шезлонга Опрятину, и о чем-то заговорили между собой.

Опрятин встал, одернул пиджак и подошел к ним.

— Добрый день, товарищ Бенедиктов, — сказал он негромко.

¹ Яхта с площадью парусов в 45 квадратных метров.

Чесучовый костюм вскинул на Опрятину не очень приветливый взгляд.

— А, уважаемый рецензент! — проговорил он. От него пахло коньяком.

— Заметил вас еще за обедом, в ресторане, — продолжал Николай Илларионович, — но не решился побеспокоить... Опрятин, — представился он спутнице Бенедиктова, вежливо наклонив голову.

— Матвеева, — ответила блондинка. — Слышала о вас.

Опрятин улыбнулся уголками губ:

— Не сомневаюсь. Отзывы были, конечно, не слишком лестные.

Он сказал это полувопросительно-полуутвердительно, и блондинка в ответ только слегка пожала плечами. Солнце освещало ее лицо, карие глаза казались теплыми и прозрачными. И в то же время было в этих глазах что-то невеселое.

— Вы тоже ездили по Волге? — спросила она.

— Нет. Я сел на теплоход сегодня ночью в Дербенте. Ездил туда в командировку. Кстати, любопытное происшествие случилось со мной в этом Дербенте...

Опрятин посмотрел на Бенедиктова. Тот стоял со скучающим видом, не выказывая ни малейшего интереса к любопытному происшествию.

«Они изволят сердиться, — подумал Опрятин. — Злопамятный тип, однако...»

Прошлой весной редакция научного журнала предложила Опрятину дать с энергетической точки зрения рецензию на статью некоего биофизика Бенедиктова. Статья была примечательная. Вначале в ней шла речь об ионофорезе — явлении, известном еще с 1807 года, когда московский профессор Рейсс открыл, что капли одной жидкости могут проходить сквозь другую. Автор статьи разбирал это явление с позиций современной физики: взаимопроникание связано с наличием свободных зарядов — ионов — на границе жидкостей, то есть на границе двух противоположно заряженных полей. Ионофорез широко применяется в медицине: ионизированные жидкие лекарства вводятся сквозь кожу больного без ее повреждения.

Далее автор статьи излагал свои наблюдения над рыбами, имеющими электрические органы. Он приводил интересные сведения об этих живых генераторах. К примеру, электрический скат *Torpedinidae* дает 300 вольт при восьми амперах. Электрический угорь *Electrophorus Electricus* — до 600 вольт. Рыбы семейства *Gimnarchus*

дают незначительное напряжение, но способны к локации: они посылают около 300 импульсов в секунду. Автор утверждал: рыбы, являясь наиболее сильными энергоносителями из живых существ, создают вокруг себя электрическое поле, и под его действием окружающая вода проходит через их наружные покровы внутрь организма. Он вживлял в тело рыб контакты и измерял разность потенциалов кожи и внутренних органов. И пришел к выводу, что в известных электростатических условиях жидкость диффундирует, проникает сквозь живые ткани. В статье выдвигалась гипотеза: будто бы скоро станет возможно подвергнуть рыб особому облучению и сделать их проницаемыми и проникающими в нужных зонах. Чтобы они свободно проникали, например, сквозь бетонные плотины на реках.

Опрятин написал рецензию, в которой отдавал должное интересным опытам с рыбами, но высмеял — впрочем, вполне вежливо — фантастическую гипотезу о проницаемости. В редакции его познакомили с автором статьи — Бенедиктовым. Произошел короткий разговор. Бенедиктов не пожелал согласиться с доводами Опрятинина, назвал рецензию «узколобой», а свою статью вовсе забрал из редакции, заявив, что не хочет ее публиковать.

С тех пор прошло три с лишним месяца. И вот они встретились снова — автор статьи и рецензент.

— Зря вы на меня тогда обиделись, товарищ Бенедиктов, — мягко сказал Опрятин. — В вашей статье было много интересного, и я, если помните, отметил...

— Я не обижаюсь, — прервал его Бенедиктов. — Просто считаю, что вы... мм... не совсем компетентны в вопросе о биотоках.

Опрятин вытащил носовой платок, промокнул потный лоб.

— Не будем спорить, — сказал он сдержанно. — Вы разбираетесь лучше в одном, я — в другом. Не так ли?

— Вот и занимались бы своим делом. А в мое...

— Толя!.. — Блондинка предостерегающе тронула мужа за рукав.

«Напрасно я затеял разговор, — подумал Опрятин. — Он слишком возбужден...»

— Успокойтесь, — сказал он, — я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Надеюсь, вы и сами поймете, что гипотеза ваша беспочвенна. От ионофореза до взаимной проницаемости тел бесконечно далеко. До свидания.

Опрятин с достоинством повернулся, но не успел сделать и двух шагов.

— Послушайте! — окликнул его Бенедиктов. — Хотите, покажу вам проницаемость?

— Толя, перестань! — сказала блондинка. — Прошу тебя...

Бенедиктов отмахнулся.

— Смотрите! — Он сунул руку за пазуху и вдруг выхватил нож. Опрятин невольно сделал шаг назад.

— Эй, гражданин! — Атлет в полосатой рубашке быстро подошел к Бенедиктову. — Вы чего безобразничаете? Что за шутки с ножиком?

Бенедиктов не обратил на него внимания.

— Вот вам проницаемость! — С этими словами он задрал на левой руке рукав и полоснул ее ножом.

Кто-то из пассажиров ахнул. Вокруг стала собираться толпа.

— Видали? — Бенедиктов еще раз всадил нож в руку.

Узкое лезвие с дымчатым узором легко прошло насквозь, не оставив на руке ни царапины.

Толпа оторопела.

Бенедиктов засмеялся и хотел было спрятать нож, но тут к нему снова подступил атлет.

— А ну, давай сюда! — сказал он. — Я тебе покажу, как людей пугать.

Он схватился за лезвие ножа и почувствовал, что зажал в кулаке пустоту...

— Прочь! — крикнул Бенедиктов.

Но атлет вывернул ему руку, и нож упал на палубу в опасной близости к борту. Сразу несколько человек бросились к нему...

В следующий миг из самой гущи свалки вынырнул красный сарафан и, мелькнув под поручнями бортового ограждения, полетел с шестиметровой высоты в воду.

— Человек за бортом! — закричал кто-то.

Плюхнулись в воду спасательные круги. Заскрипели тали шлюпбалок. Теплоход начал описывать циркуляцию, возвращаясь к месту падения человека. Но этот маневр был уже не нужен. Белая яхта, которая оказалась в сотне метров от теплохода, сделала бешеный поворот фордевинд, накренилась и, чертя по воде концом грота-гика, понеслась к мелькавшей в волнах голове.

Все увидели, как высокий загорелый парень кинулся с яхты в воду, и через несколько минут сарафан уже пламенел на борту маленького суденышка.

«Узбекистан» подошел к яхте с подветра.

Войскунский Е., Лукодянов И.

В 65 Экипаж «Меконга» ; Ур, сын Шама : романы / Евгений Войскунский, Исай Лукодянов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 960 с. : ил. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги). ISBN 978-5-389-25080-2

Имя творческого дуэта Евгения Войскунского и Исаия Лукодянова хотя и не стоит на ведущем месте, как, скажем, имена Ивана Ефремова, братьев Стругацких или Кира Булычева, но тем не менее это одна из ярчайших страниц в истории отечественной фантастики. Уже одно то, что их первый совместный опыт — роман «Экипаж „Меконга“», вышедший в начале шестидесятых, — выделил из потока рукописей Аркадий Стругацкий, состоявший на то время в штате редакции Детгиза, красноречиво говорит за себя. Книга написана редким для тогдашней фантастики живым, человеческим языком, полна юмора и доброй иронии, мастерски украшена подробностями неповторимого быта южного прикаспийского города, люди в ней не манекены, не схемы, не ходячие рупоры-выразители какого-нибудь проекта или идеи, а просто люди, такие же, как и мы, не гении, но и не дураки тоже.

«Ур, сын Шама», написанный более чем на десять лет позже, формально примыкает к «Экипажу „Меконга“». В романе герои «Меконга» встречаются с вернувшимся на землю сыном вавилонянина, несколько тысячелетий назад похищенного с Земли космическими пришельцами. Фантастика? Да, конечно. Но это и роман о любви. О любви, преодолевающей пространство и время. Любви, ради которой проблема выбора между общим вселенским разумом, к которому приобщен герой, и невозможностью в будущем вернуться с «малоразвитой» планеты Земля на высоко развитую планету Эир решается в пользу первой — планеты, на которой Ур, сын Шама, нашел любовь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ ВОЙСКУНСКИЙ
ИСАЙ БОРИСОВИЧ ЛУКОДЬЯНОВ

ЭКИПАЖ «МЕКОНГА»

•
УР, СЫН ШАМА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Лариса Дорохина, Иван Игнатьев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.02.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FFB-34066-01-R